

Д Ж Е Й М С
Р ⊕ Л Л И Н С

АМАЗОНЯ

МОСКВА
2018

УДК 821.111-312.4(73)

ББК 84(7Coe)-44

P67

James Rollins

AMAZONIA

Copyright © 2002 by Jim Czajkowski

Иллюстрация на обложке *Ольги Закис*

Роллинс, Джеймс.

P67 Амазония / Джеймс Роллинс ; [пер. с англ. Н. Парфеновой]. — Москва : Эксмо, 2018. — 512 с. — (Европocket. Джеймс Роллинс. Лучшее из лучшего).

ISBN 978-5-04-096134-4

Никто — ну просто никто — не работает в этом жанре лучше Роллинса.

Ли Чайлд

Роллинс не пишет романы, а создает головокружительные аттракционы.

Booklist

В его книгах есть все. Он мастер управляемого хаоса.

Fort Worth Star-Telegram

В джунглях Амазонии находят белого человека без языка. Он умирает, успев передать миссионеру жетон с именем Джеральда Кларка, спецназовца армии США. Джеральд Кларк был агентом разведки и пропал в Бразилии четыре года назад вместе с экспедицией, организованной специалистом по тропическим растениям Карлом Рэндом. Какие тайны хранит в своих девственных лесах эта самая загадочная область земного шара? Где находился Кларк целых четыре года? И какая судьба постигла остальных членов экспедиции?

УДК 821.111-312.4(73)

ББК 84(7Coe)-44

© Парфенова Н.,

перевод на русский язык, 2009

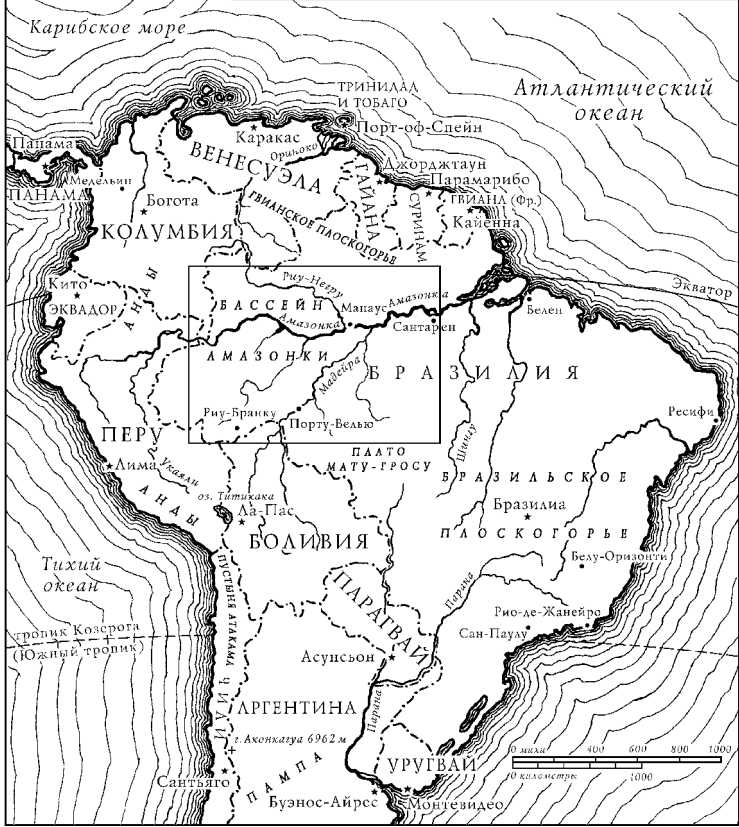
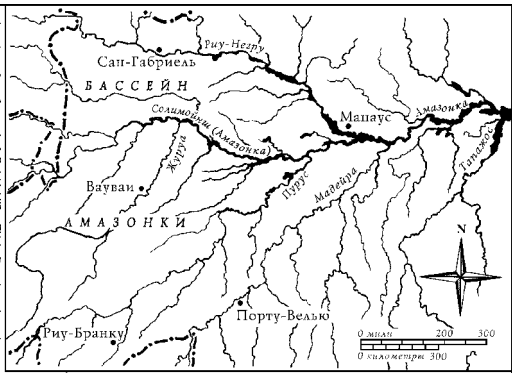
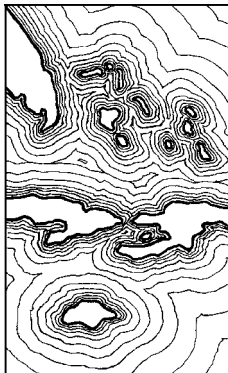
© Издание на русском языке, оформление.

ООО «Издательство «Эксмо», 2018

ISBN 978-5-04-096134-4

*Посвящается
Джону Петти и Рикку Хуригану —
друзьям и соавторам*

ПРОЛОГ

25 июля, 18 часов 24 минуты

Миссионерское поселение

Бразильская Амазония

Падре Гарсия Луис Батиста усердно воевал с сорняками на церковном огороде, когда из джунглей, пошатываясь, вышел незнакомец. Из одежды на нем была только пара затащенных джинсов. Полуголый и босой, человек упал на колени между гряд прорастающей маниоки. На его побуревшей от загара коже виднелась татуировка в голубых и алых тонах. Приняв незнакомца за одного из местных индейцев-яномамо, падре Батиста сдвинул на затылок широкополую соломенную шляпу и поприветствовал его на языке аборигенов.

— Йоу, шори, — произнес падре. — Добро пожаловать в миссию Вауваи.

Человек поднял голову, и Гарсия сразу понял свою ошибку. Незнакомец был голубоглазым, что совсем не свойственно племенам Амазонии, и вдобавок с редкой темной порослью на подбородке.

Он был не индейцем, а белым.

— Бемвиндо, — предложил падре по-португальски, полагая, что перед ним очередной крестьянин с побережья, подавшийся в леса Амазонки в поисках лучшей доли и бесхозных угодий. — Добро пожаловать, друг мой.

Несчастный слишком долго плутал в джунглях — тощий, с торчащими ребрами и спутанными волосами, тело в порезах и ссадинах. Вокруг него с жужжанием роились полчища мух, то и дело садясь на открытые раны.

Едва незнакомец попытался заговорить, как из растрескавшихся губ по подбородку заструилась алая кровь. Мужчина пополз на коленях в сторону священника, протягивая руки в мольбе. Вместо слов у него вырывались жуткие, нечеловеческие хрипы.

Первым порывом Гарсия было оттолкнуть чужака, но он тут же вспомнил об обете, данном Всевышнему. Как добрый самаритянин, он не мог отказать заблудшему путнику и помочь ему встать на ноги. Человек был до того истощен, что весил не больше ребенка. Даже сквозь рубашку падре чувствовал жар его тела, охваченного лихорадкой.

— Идемте, внутри будет не так жарко.

Гарсия повел человека к церкви — туда, где побеленная колокольня упиралась в небесную синеву. За колокольней, на расчищенной от леса земле вперемежку гнездились деревянные домики и хижины, покрытые пальмовым листом.

Миссию Ваувай основали всего пять лет назад, однако число жителей — туземцев самых разных народностей — уже перевалило за восьмой десяток. Одни дома сооружались на сваях, как принято у индейцев-апалаев, другие, целиком из пальмовых ветвей, служили жильем племенам ваиваи и тирис. Основную часть жителей, впрочем, составляли яномамо, которые селились общинами в круглых просторных постройках.

Гарсия махнул свободной рукой, чтобы подозвать стоявшего у садовой ограды индейца-яномамо по имени Хенаове — невысокого роста, в брюках и рубашке с длинным рукавом. Индеец помогал падре в церковных делах и теперь поспешил ему навстречу.

— Помогите мне внести его в дом.

Хенаове с готовностью кивнул и подхватил незнакомца с другой стороны. Держа мужчину под руки, падре с помощником протащили бедолагу за ограду, затем вокруг церкви к дощатой пристройке у южной стены. Здесь, в доме миссионера, стоял единственный в деревне газогенератор. От него работали освещение храма, холодильник и кондиционер — также один на всю деревню. Порой Гарсия подумывал, что

его миссия обязана успехом не столько вере в Христа, сколько удивительной прохладе церковных покоев.

Едва добрались до пристройки, как Хенаове проскользнул вперед и распахнул заднюю дверь. Незнакомца втащили через столовую в дальнюю комнату. Когда-то тут размещались церковные служки, но теперь комната пустовала. Два дня назад младшие миссионеры отправились проповедовать в соседнюю деревню. Комнатка была тесной, не больше кельи, однако прохладной и укрывала от палящего солнца.

Гарсия кивнул индейцу, чтобы тот зажег светильник — электричество во вспомогательные комнаты не проводили. От яркого пламени во все стороны прыснули пауки и тараканы.

Вдвоем они подтащили человека к кровати.

— Помоги мне раздеть его. Я должен промыть и перевязать ему раны.

Хенаове кивнул и потянулся было к пуговицам на штанах незнакомца, как вдруг застыл на месте. Он судорожно охнул и отпрянул, словно увидел скорпиона.

— Вети кете? — спросил Гарсия. — Что случилось?

Глаза индейца округлились от ужаса. Он показал на голый торс белого человека и что-то затараторил по-своему.

Гарсия наморщил лоб.

— При чем здесь татуировка?

Голубые и красные цвета на коже образовывали почти правильные фигуры — круги, извилистые кривые и неровные треугольники. Посередине же змеилась алая спираль, стремящаяся к центру, точно струйка крови у водостока. В завитке спирали, чуть выше пупка, виднелся голубой отпечаток ладони.

— Шавара! — вскричал Хенаове, пятясь к выходу.

Злые духи. Гарсия повернулся к помощнику. Он-то думал, что индеец уже перерос прежние предрассудки.

— Брось, — отрезал Гарсия. — Это всего лишь краска, а не работа дьявола. Иди помоги мне.

Хенаове все еще трясся от ужаса и подходить не собирался.

Неизвестный застонал, и падре, нахмурившись, снова склонился над ним. Мужчину била крупная дрожь, взгляд остекленел от жара и лихорадки. Гарсия пощупал его лоб и едва не обжегся. Он поздравил Хенаове.

— Принеси мне хотя бы аптечку и пенициллин из холодильника.

Индеец умчался, даже не скрывая облегчения.

Гарсия вздохнул. Десять лет прожив в амазонском лесу, поневоле приобретаешь кое-какие медицинские навыки: умение накладывать шины, промывать и смазывать раны, бороться с температурой. Он даже мог провести небольшую операцию вроде наложения швов или оказать помощь в родах. Будучи главой миссии, падре Гарсия не только поддерживал веру, но и брал на себя роль советчика, вождя и доктора.

Он снял с пациента обтрепанную одежду и отложил в сторону. Хватило одного взгляда на обнаженное тело, чтобы понять, насколько сурово и беспощадно обошлись с незнакомцем джунгли. Глубокие раны кишели червями-опарышами, ногти были начисто съедены грибом, а в шраме на лодыжке угадывался старый змеиный укус.

За работой падре гадал, кем мог быть этот человек. Что с ним случилось? Была ли у него семья? На все попытки заговорить с ним мужчина отвечал тем же диким, неразборчивым бредом.

Многие из крестьян, что пытались перебраться в джунгли, рано или поздно погибали от рук воинственных индейцев, бандитов, наркокурьеров или даже в зубах лесных хищников. Но самой банальной кончиной для них была смерть от болезней. В дикой глуши дождевого леса, где неоткуда ждать медицинской помощи, простой грипп может оказаться смертельным.

Внимание доктора привлек шорох ног у порога. Хенаове вернулся с аптечкой и ведром чистой воды. Но он был не один. Рядом стоял Камала, седой низкорослый шапори — шаман племени яномамо. Хенаове, должно быть, бежал со всех ног, чтобы привести с собой этого знатока древней медицины.

— Хайя, — поприветствовал его Гарсия.

«Дедушка». Таково было типичное обращение к старейшине яномамо.

Камала, не говоря ни слова, шагнул внутрь и подошел к кровати. Он осмотрел незнакомца и прищурился, повернулся к Хенаове и жестом попросил его оставить ведро и аптечку. Затем шаман простер руки над прикованным к постели незнакомцем и принялся наговаривать. Гарсия хорошо знал многие туземные наречия, но тут он не мог различить ни слова. Закончив, Камала обратился к падре и сказал ему на отличном португальском:

— Этого набе коснулись шавара, злые духи лесных дебрей. Ночью он умрет. Ты должен сжечь тело до восхода солнца. С этими словами Камала повернулся, чтобы уйти.

— Подожди! Скажи мне, что означает татуировка?

Камала обернулся, нахмурившись.

— Это знак племени бан-али, «ягуаров крови». Он — их собственность. Нельзя оказывать помощь «рабу ягуаров», бан-йи, иначе — смерть.

Шаман сделал оберегающий знак, подув на кончики пальцев, и удалился, увозя Хенаове с собой.

Оставшись один, Гарсия вдруг почувствовал озноб, который был вызван отнюдь не кондиционером. Он не раз слышал о бан-али, одном из самых таинственных племен-призраков джунглей. Его члены наводили ужас тем, что якобы породнились с ягуарами и могли творить невозможное.

Гарсия поцеловал распятие и отгел суеверные страхи. Вернувшись к ведру и лекарствам, он смочил губку в теплой воде и поднес ко рту пациента.

— Пей, — прошептал он.

В джунглях обезвоживание представляет наибольшую опасность для жизни. Падре сжал губку, и вода заструилась по растрескавшимся губам незнакомца. Тот принялся всасывать воду, словно младенец молоко матери, — жадно, давясь и захлебываясь. Гарсия приподнял его голову, чтобы пить было легче. Спустя несколько минут глаза незнакомца утратили горячечный блеск. Он попытался прижать к себе губку с живительной влагой, но Гарсия не позволил — обиль-

ное питье после столь сильного обезвоживания могло навредить еще больше.

— Лежите, сеньор, — твердил он больному. — Дайте мне почистить вам раны и сделать укол.

Человек, похоже, не внял сказанному. С тяжкими стонами он порывался добраться до губки.

Когда же Гарсия за плечи уложил его на место, мужчина охнул, и падре наконец понял, почему тот не мог говорить. У него был отрезан язык.

Морщась, Гарсия приготовил шприц с ампициллином и про себя помолился о душах тех извергов, которые вытворяли такое с людьми. Лекарство оказалось просроченным, но лучшего было не достать. Он впрыснул антибиотик в ягодицу больного, а затем стал промывать и смазывать раны.

Незнакомец то бредил, то приходил в себя. Будучи в сознании, он постоянно тянулся к своим лохмотьям, будто пытался одеться и вновь отправиться в джунгли. Всякий раз Гарсия укладывал его обратно и накрывал одеялом.

Когда солнце село и в джунглях наступила ночь, Гарсия взял Библию и принялся читать молитвы об исцелении, впрочем, хорошо понимая, что чуда не будет. Шаман Камала рассудил верно: незнакомец не доживет до утра.

Часом раньше падре соборовал больного на случай, если тот окажется одним из его братьев во Христе. Во время миропомазания бедняга поежился, но так и не очнулся. Его лоб снова пылал. Антибиотики не смогли остановить распространение инфекции. Несмотря на безнадежность ситуации, Гарсия не прекращал своего сумеречного бдения — последней помощи несчастному. Но ближе к полуночи, когда лес наполнился стрекотаньем кузнечиков и кваканьем бесчисленных лягушек, падре не выдержал и уснул прямо в кресле с Библией на коленях. Через несколько часов его разбудил стон умирающего. Решив, что тот борется за последний вздох, Гарсия вскочил и уронил Библию на пол. Нагнувшись за книгой, он встретил взгляд незнакомца. Глаза его по-прежнему блестя, но жар отступил. Человек вытянул дрожащую руку и снова указал на одежду.

— Вам нельзя идти, — сказал Гарсия.

Тот на секунду закрыл глаза, покачал головой и опять показал на брюки.

Гарсия сдался. Он не мог отказать в последней просьбе, пусть даже нелепой, а поэтому подошел к кровати, взял с пола мятые джинсы и вручил умирающему. Незнакомец схватил их и принялся ощупывать шов на одной из брючин с внутренней стороны. Потом его пальцы остановились, наткнувшись на что-то под тканью. Трясущимися руками он протянул брюки Гарсия. Падре решил, будто у умирающего опять начинается бред, так как его дыхание участилось и стало еще более хриплым. Тем не менее он уступил этой бессмысленной прихоти, взял брюки и осмотрел место, которое указал незнакомец. Как ни странно, в ткани обнаружилось уплотнение — что-то было спрятано в шов. Похоже, потайной карман!

Желая разузнать, что в нем, падре достал из аптечки ножницы. Тем временем незнакомец со вздохом откинулся на подушки, несомненно довольный тем, что его послание наконец найдено.

Орудя ножницами, Гарсия разрезал шов и добрался до тайника. Там лежал бронзовый круглый жетон. Падре вытащил его и поднес к свету. На жетоне было выгравировано имя.

— Джеральд Уоллес Кларк, — прочел он вслух. Неужели так зовут знакомого? — Это вы, сеньор?

Он поглядел на кровать.

— Господи Иисусе, — вырвалось у священника.

Лежащий на койке смотрел в потолок невидящим взглядом — бездыханный, с раскрытым ртом. Падре благословил его.

— Покойтесь с миром, сеньор Кларк.

Гарсия опять поднес к лампе жетон и перевернул его. Когда же он прочитал слова на обороте, во рту у священника пересохло от страха.

«Войска специального назначения армии Соединенных Штатов».

1 августа, 10 часов 45 минут

Штаб-квартира ЦРУ

Лэнгли, штат Виргиния

У Джорджа Филдинга раздался неожиданный звонок. Заместителя директора ЦРУ часто вызывали на всякого рода межведомственные заседания, но получить приглашение от Маршалла О'Брайена, главы Контрольного комитета по охране окружающей среды, было событием из ряда вон выходящим. КоКООС создали еще в девяносто седьмом в качестве отдела разведки, занимавшегося проблемами экологии. На памяти Филдинга отдел ни разу не требовал срочного совещания. Такие меры были предусмотрены лишь на случай угрозы национальной безопасности. Что же могло напугать Одинокого Беркута — как О'Брайена за глаза называли коллеги, — чтобы он поднял такой переполох?

Филдинг быстро прошел фойе, которое связывало старое здание управления с более современным. Новый корпус был выстроен в конце восьмидесятых и вмещал множество молодых подразделений, включая КоКООС. По пути Филдинг поглядывал на картины, украшавшие стены длинного коридора, — портреты предыдущих директоров ЦРУ со времен генерал-майора Донована. Тот возглавлял Управление стратегических служб — прототип ЦРУ эпохи Второй мировой. Когда-нибудь непосредственный босс Филдинга займет на стене свое место, и, если Джордж правильно разыграет сложившуюся комбинацию, именно ему достанется кресло директора.

С этой мыслью он вошел в новый управленческий корпус и, пройдя несколько залов, добрался до крыла с офисами КоКООСа. На входе его встретила секретарша. Поднявшись, она доложила:

— Господин заместитель, мистер О'Брайен ждет вас в своем кабинете.

Секретарша подошла к дверям красного дерева, постучала для порядка и толкнула дверь, придерживая ее, пока новоприбывший не вошел.

— Спасибо.

Внутри Филдинга приветствовали рокочущим басом.

— Замдиректора Филдинг! Польщен, что прибыли лично. — Маршалл О'Брайен встал с кресла. У него были волосы с проседью и фигура Человека-Горы, перед которым даже письменный стол выглядел детской партой. Он указал на соседнее кресло. — Присядьте, пожалуйста. Я знаю, как ценно ваше время, поэтому буду краток.

«Всегда прямо к делу», — отметил про себя Филдинг. Четыре года назад поговаривали, будто Маршалла О'Брайена назначат директором ЦРУ. Собственно, до Филдинга именно он занимал пост заместителя и непременно поднялся бы в должности, если бы не имел привычки требовать от сенаторов «говорить по делу» (чем отпугнул многих из них), а также резать правду-матку в глаза. Вашингтонские политики были не готовы играть в том же стиле, потому О'Брайена и перевели сюда, на символическую должность главы Комитета по охране окружающей среды.

Быть может, этим срочным звонком старикан желает прибавить себе важности, хочет показать, что до сих пор в строю?

— Что происходит? — спросил Филдинг, усаживаясь.

О'Брайен опустил на свое кресло и открыл серую папку, лежавшую на столе. «Чье-то досье», — отметил Филдинг.

Старик прокашлялся.

— Два дня назад в наше консульство в Манаусе прибыло тело гражданина Америки. Покойного опознали по личному жетону спецназа — его прежнего места службы.

Филдинг нахмурился. Личные жетоны встречались в самых разных родах войск; их носили скорее в знак уважения традиций, нежели как средство для опознания. На службе или нет, но боец подразделения обязан угостить товарищей выпивкой, если его застукают без жетона.

— А при чем здесь мы?

— При том, что этот парень не уходил в отставку. Он был одним из моих оперативников. Агент Джеральд Кларк.